

ПИКЕЛЬНЫЙ

МОНПАРНАССКИЕ ВСТРЕЧИ

Оглядываясь вокруг, я не без мысленного содрогания замечая, что мало осталось людей, с которыми я испокон века дружил, с которыми был на "ты". Впрочем, это в порядке вещей, пришла пора "близиться к началу своему". Но вот среди тех, кто еще как-то неподалеку, почти рядом — художник Роберт Пикельный, с которым я свел дружбу — страшно вымолвить — больше полувека тому назад. Мало того, он один из немногих, с которыми за этот едва правдоподобный срок нашу дорогу не перебежала ни одна кошка, не только черная, но даже серая. Могли не видаться годами — это случалось, — но и после того наши новые встречи не переставали быть душевными, всегда такими, словно расстались мы на прошедшей неделе.

Читатель тут рядом увидит портрет Пикельного работы Натана Альтмана. Это, вероятно, один из лучших портретов, когда-либо написанных художником, прославившимся в самый канун революционных лет и ставшим российской знаменитостью благодаря чуть вызываю-

щему портрету Ахматовой на серо-изумрудном фоне. Но, может быть, этот успех объясним скорее самой моделью, нежели кистью художника, тогда как на портрете Пикельного более конкретно и неоспоримо сказано о конкретном и неоспоримо сказанном альтмановском мастерстве.

На портрете изображен еще совсем молодой человек. Это немудрено, ведь портрет писался давно-давно, и не вина художника, что с тех пор молодой человек успел стать человеком почтенного возраста, как все мы, заметно обрюзг, во многом остепенился, и белая краска густо подкрасила его волосы. Однако в своем искусстве он остался преданным тем идеалам, которые были приобретены им если не с молоком матери, то с тех дней, когда, кончив московскую флеровскую гимназию, он поступил в Школу живописи, ваяния и зодчества (позднейший Вхутемас), где срисовывали гипсовые фигуры и одновременно горячо обсуждали квадраты Малевича. Его учителями были сперва Машков, затем Шевченко, побывавший в Париже и преподававший Пикельному, кроме школьных истин, еще и любовь

к Сезанну. Впрочем, еще до этой учебы Пикельный был постоянным посетителем Третьяковской галереи, готов был прельщаться Суриковым или Серовым, заодно и отвергнутым ныне Саврасовым, а чуть позднее с изумлением и восторгом рассматривал щукинские и морозовские собрания и, переважив и то, и другое, никогда не оставался на распутье, превознося одно, не отбрасывая другого, поцицероновски считая, что "каждому свое" и не дело всем быть импрессионистами.

В своем творчестве он никогда не поддавался возбуждающей зрителя крикливости, никому не подчинялся, никому не подражал, не примыкал ни к какому "изму" и в зрелые свои годы медленной походкой шел своей дорогой, от нее не отходя, всегда сохраняя некое художественное целомудрие и скромность, почти могущую быть возведенной в добродетель, но не мешающую ему — говорю это не в укор — наедине с собой быть о себе весьма высокого мнения.

Он очутился в Париже в начале двадцатых годов, осел

на Монпарнасе, приобрел "монпарнасскую душу" и только иногда перекачывал с одной улицы на соседнюю. Регулярно выставлялся в Осеннем Салоне и в Салоне Тюильри, изредка устраивая свои персональные выставки. Но в то же время он был непоседой, и как только появлялась у него возможность, исчезал, странствовал преимущественно по любившимся ему средиземноморским странам, хотя по поручению "Общества спальных вагонов" удалось Пикельному совершить путешествие и по Дальнему Востоку, и зарисовки этих далеких стран занимают какое-то место в его продукции.

Этот типичный представитель художественной богемы был в то же время желанным посетителем и товарищеских вечеринок, и иных роскошных и изысканных салонов, потому что никто лучше него не умел подержать потухавший разговор, вставить какую-нибудь не слишком злую эпиграмму или рассказать соответствующий анекдот, а затем потолковать о какой-нибудь выставке со знанием дела, с чувством и тактом. Его критические суждения, хоть подчас могли быть суровы и язвительны, никогда не были голословны. Он действительно обладал даром ценить все подлинное, умея находить положительные черты даже там, где они бывали полускрыты или не бросались в глаза. Зато никогда не превозносил он в угоду моде ничего "модного", не соблазняясь эфе-

мерными успехами того, что якобы шло "в ногу с веком", а на поверку длилось до какого-то скорого "завтра".

Сам он издавна пристрастился к каким-то "своим" сюжетам, многократно повторяя их в разных вариантах, в разных ракурсах. Конечно, "своими" они бы-

Пикельный.

Портрет работы Натана Альтмана

ли только постольку, поскольку он их "по-своему" трактовал, ведь кто из живописцев не прельщался цирком, скачками, конюшнями, и кто как не Тулуз-Лотрек отдал часть своего несравненного таланта изображениям быта публичных домов. Следуя примеру своего великого предшественника, Пикельный не раз соблазнялся такого же рода сценами, изображая их с застенчивой тоской, с известной долей лиричности.

Но вот характерный для него "Урок танцев", или в том же слегка приглушенном ключе, без ярких пятен, "Игроки в карты". Там и тут несколько фигурок, тапер за пианино или соломенные стулья в убогом трактирчике и большие пустые плоскости пола и стен. Но именно сочетание сероватых и коричневатых тонов дают ключ к картине, дают ей теплоту и лучше всего объясняют те задачи, которые ставил себе художник. А вот еще — "Желтая певичка" — холст, на котором желтизна наряда оттеняет спокойную иронию скрытого драматизма без того, чтобы в живопись просачивалась литература. Страстный читатель, Пикельный между двумя областями искусства всегда воздвигал непроницаемую стенку.

Его не раз причисляли к "интимистам". Но, может быть, было бы правильнее, если уж необходимы этикетки, воспользоваться итальянским понятием "веризма" с его будничным реализмом, чуть поэтизированной мимолетной повседневностью. Недаром Пикельного часто привлекали изображения мира, уходящего на наших глазах, олицетворяемого стоянками пароконных "фиакров" вдоль каннской набережной или на улицах Флоренции, и служивших уже только приманкой для туристов или, скажем, изображение одного из подлежащих сносу ветхих вокзалов Парижа, уже опутанного лесами.

Пикельный не перестает ходить по музеям, по выставкам, по кинематографам и потом

смотрит на мир, на уличное движение или на лица прохожих другими глазами, хотя какое-то унаследованное от предков беспокойство неизменно ощущается на его полотнах. Он любит живописать свое ателье, но оно всегда выглядит точно после землетрясения, и собственная его постель рисуется им в каком-то перевозданном беспорядке. По существу, это далеко не "поэтический беспорядок", но гармония красок делает его приятным для глаза, особенно если заметить, что на стенах этого хаотического ателье висят репродукции любимых картин. Их, конечно, не разобрать, но я мог бы по секрету поведать, что висят у него репродукции Шардена и Коро, и это весьма знаменательно.

Пикельный, который подлинно заслужил титул "старого парижанина" и на зубок знал и Париж "сумасшедших лет" между двумя войнами, и Париж послевоенный, знал музеи и рестораны (он большой гурман), как и остатки подлинной старины, чуть ли не еще больше полюбил вымирающие, полурассыпавшиеся кварталы Барселонны, те, на улицах которых, как в любом средиземноморском городе, сушится на канате белье, точно пасти чернеют провалы окон и снует нищая детвора. Заодно он не перестает в мыслях возвращаться на улицы Банкока, хоть и пробыл там считанное число дней, но, по его словам, женщины там не забываются и способны вдохнуть "новую жизнь". Взгляните

только на его полотно с "Банкокскими девицами", оно характерно, как все его женские модели: женщины у этого женолюба физически не слишком привлекательны. Может быть, хотя бы по Фрейдю, это объясняется тем, что женщины его одурманивают, а этого чувства в свою живопись он не хотел вносить.

Многим из его собратьев по ремеслу присуща своего рода "Эндрова скрипка" — тяга к писательству. Пикельному, кроме вдумчивых статей по искусству, пришлось по душе жанр "короткого рассказа", едкого, имеющего собственное лицо и немалые литературные достоинства, но, к сожалению, пишет он свои рассказы с ленцой, в первую очередь, чтобы развлечь самого себя, с тем внутренним жестом, с которым другие раскладывают пасьянсы, так же, как иногда он вставляет в письма, ловко жонглируя рифмами, милые шуточные стишки, действующие, как легкие укусы не слишком злобного насекомого.

Ведь Пикельный, будучи москвичом, только "случайно" родился в пределах того, что в те далекие дни именовалось "Царством Польским", и его по-польски звучащая фамилия в дословном русском переводе стала бы "Адский". Но, вопреки семантическим соображениям, демонизма в нем только малая капля, и обнаруживается она только в его литературных упреждениях.